

БУЛАТ ОКУДЖАВА

В КНИГЕ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ –
СТИХОТВОРЕНИЯ, ВХОДИВШИЕ
В ЕГО СБОРНИКИ РАЗНЫХ ЛЕТ.

БУЛАТ СТИХИ ОКУДЖАВА

КАЖДЫЙ ПИШЕТ, КАК ОН ДЫШИТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
О-52

Составитель – Юрий И. Крылов

Окуджава, Булат Шалвович.

О-52 Каждый пишет, как он дышит /
Булат Окуджава. – Москва : Издательство
АСТ, 2018. — 256 с. — (Золотые строфы
века).
ISBN 978-5-17-109263-4

Булат Окуджава видел в сочинении и исполнении авторской песни особую миссию. Это была альтернатива официальному, «парадному» искусству, эстраде, с ее пошлыми текстами, а ее пионеры – чуть ли не единственными поэтами, «поющими поэтами», выражавшими истинные мысли и чаяния своего поколения. Окуджава вдохновлялся Москвой, романтизировал арбатские дворы и называл свои стихи не иначе как «городскими песенками».

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-109263-4

©Б.Ш. Окуджава, наследники, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

НОВОЕ УТРО

Не клонись-ка ты, головушка,
от невзгод и от обид.
Мама, белая голубушка,
утро новое горит.

Все оно смывает начисто,
все разглаживает вновь...
Отступает одиночество,
возвращается любовь.

И сладки, как в полдень пасеки,
как из детства голоса,
твои руки, твои песенки,
твои вечные глаза.

1957

* * *

Пароход попрощается басом,
и пойдет волной его качать...
В жизни я нашибался.
Не пора ли кончать?

Вот я снова собираю пожитки
и... опять совершаю ошибки.

А кто-то кричит мне с порога:
— Это ж не дорога, а морока!..

А мне спешить далеко-далеко:
жизнь не дается на два срока.

1957

ПОЛНОЧНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний,
в случайный.

Полночный троллейбус, по улице мчи,
верши по бульварам круженье,
чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи
крушенье,
крушенье.

Полночный троллейбус, мне дверь отвори.
Я знаю, как в зябкую полночь
твои пассажиры — матросы твои —
приходят
на помощь.

Я с ними не раз уходил от беды,
я к ним прикасался плечами...
Как много, представьте себе, доброты
в молчанье,
в молчанье.
Полночный троллейбус плывет по Москве,

Москва, как река, затухает,
и боль, что скворчком стучала в виске,
стихает,
стихает.

1957

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА ПЕРЕДОВОЙ

Волнения не выдавая,
оглядываюсь, не расспрашивая.
Так вот она — передовая!
В ней ничего нет страшного.

Трава не выжжена, лесок не хмур,
и до поры
объявляется перекур.
Звенят комары.

Звенят, звенят
возле меня.
Летят, летят —
крови моей хотят.

Отбиваюсь в изнеможении
и вдруг попадаю в сон:
дым сражения, окружение,
гибнет, гибнет мой батальон.

А пули звенят
возле меня.
Летят, летят —
крови моей хотят.

Кричу, обессилев,
через хрипоту:
«Пропадаю!»
И к ногам осины,
весь в поту,
припадаю.

Жить хочется!
Жить хочется!
Когда же это кончится?..

Мне немного лет...
гибнуть толку нет...
я ночных дозоров не выстоял...
я еще ни разу не выстрелил...

И в сопревшую листву зарываюсь
и просыпаюсь...

Я, к стволу осины прислонившись, сажу,
я в глаза товарищам гляжу-гляжу:
а что, если кто-нибудь в том сне побывал?
А что, если видели, как я воевал?

АНГЕЛЫ

Выходят танки из леска,
устало роют снег,
а неотступная тоска
бредет за нами вслед.

Победа нас не обошла,
да крепко обожгла.
Мы на поминках водку пьем,
да ни один не пьян.

Мы пьем напропалую
одну, за ней вторую,
пятую, десятую,
горькую десантную.

Она течет, и хоть бы черт,
ну хоть бы что ни капельки...
Какой учет, когда течет?
А на закуску — яблоки.

На рынке не развешенные
дрожащею рукой,
подаренные женщиной,
заплаканной такой.

О ком ты тихо плакала?
Все, знать, не обо мне,
пока я топал ангелом
в защитной простыне.

Ждала, быть может, слова,
а я стоял едва,
и я не знал ни слова,
я все забыл слова.

Слова, слова... О чем они?
И не припомнишь всех.
И яблочко моченое
упало прямо в снег.

На белом снегу
лежит оно.
Я к вам забегу
давным-давно,

как еще до войны,
как в той тишине,
когда так нужны
вы не были мне...

1957

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ МАРШ

Е. Евтушенко

Надежда, я вернусь тогда,
 когда трубач отбой сыграет,
когда трубу к губам приблизит
 и острый локоть отведет.

Надежда, я останусь цел:
 не для меня земля сырая,
а для меня — твои тревоги
 и добрый мир твоих забот.

Но если целый век пройдет
 и ты надеяться устанешь,
Надежда, если надо мною
 смерть распахнет свои крыла,
ты прикажи, пускай тогда
 трубач израненный привстанет,
чтобы последняя граната
 меня прикончить не смогла.

Но если вдруг когда-нибудь
 мне уберечься не удастся,
какое новое сражение
 ни покачнуло б шар земной,
я все равно паду на той,
 на той далекой, на гражданской,
и комиссары в пыльных шлемах
 склонятся молча надо мной.

1957

КОРОЛЬ

Б. Федорову

Во дворе, где каждый вечер все играла
 радиола,
где пары танцевали, пыля,
ребята уважали очень Ленку Королева
и присвоили ему званье короля.

Был король, как король, всемогущ.
 И если другу
 станет худо и вообще не повезет,
 он протянет ему свою царственную руку,
 свою верную руку — и спасет.

Но однажды, когда «мессершмитты»,
как вороны,
разорвали на рассвете тишину,
наш Король, как король, он кепчонку,
как корону —
набекрень, и пошел на войну.

Вновь играет радиола, снова солнце в зените,
да некому оплакать его жизнь,
потому что тот король был один (уж извините),
королевой не успел обзавестись.

Но куда бы я ни шел, пусть какая ни забота
 (по делам или так, погулять),
 все мне чудится, что вот
за ближайшим поворотом
 Короля повстречаю опять.

Потому что на войне, хоть и правда стреляют,
не для Ленки сырая земля.
Потому что (виноват), но я Москвы
не представляю
без такого, как он, короля.

1957